

ДМИТРИЙ ЧЕСНОКОВ

ДЕТИ

И

ШАХМАТЫ

Узелки практической психологии

Москва
КРУГЪ
2017

УДК 821.161.1Чесноков Д.А.
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч-51

На обложке –
. Шахматистки. 1929

Чесноков, Дмитрий.
Ч-51 Дети и шахматы : Узелки практической психоло-
гии – М. : КРУГЪ, 2017. – 64 с.

ISBN 978-5-7396-0405-7

В книге отражен многолетний опыт психолого-педагогической работы автора в школах и подразделении дополнительного образования. Осмысленная игра в шахматы в первую очередь представлена читателю как некая положительная модель взрослой жизни и будущей профессиональной деятельности ребенка.

Книга написана доступным живым языком. Многие реалии детских шахмат затронуты не без саркастической критики сложившегося в шахматном и околошахматном мире положения, на иных страницах приближая профессиональные заметки автора к форме памфлета.

УДК 821.161.1Чесноков Д.А.
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-7396-0405-7
© Д.А. Чесноков, 2017
© Д.В. Логинов, оформ., 2017

...для природы всё равно, хорошо нам или нет...
. Записки из-за угла

Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них
сердиться. Дети должны быть очень
снисходительны к взрослым.
- . Маленький принц

Поваренная книга! – Не надо мне её.
Просто я кладу пригоршню того,
щепотку сего, капельку этого – и всё тут.
. Вино из одуванчиков (Бабушка Дугласа)

Введение

Как предварить появление этого сочинения на добровольную тему?!. Наверное, будучи сыздавна увлечённым практической психологией, предъ-явитель сего в первую очередь просто вознамерился всякого, кого тема заинтересует, лишь навести на неспростное размышление. Ну и, как бы мимоходом, задеть кой-какие нюансы работы некоего, возглавляемого им камерного содружества. То есть детского шахматного коллектива, где и пытается он в меру сил приобщить к настоящей вдумчивой игре в шахматы большинство своих воспитанников, независимо от высоты лба, разреза глаз, длины волос и прочих высокохудожественных различий. К тому же такой замысел показался ему хорошим поводом для того, чтобы поупражняться в самоутверждающем сочинительстве и в чём-то, может быть, переубедить самого себя. И конечно же,

слово обращено к родителям юных шахматистов потому, что их спокойная взвешенная помощь своим же детям может стать нелишней.

Представляется, что сегодняшние проблемы шахмат всё больше исходят от тенденций развития рода человеческого и от едва ли не захватывающих дух виражей ручного управления шахматным спортом. Редкие колыбельные телеобзоры с достойных общенационального шахматного интереса соревнований мало способствуют возрождению былой, возвышенной популярности шахмат, а большой выбор одурманивающих разум компьютерных развлечений норовит добить такую популярность окончательно. Шахматное сообщество суетливо ищет как жёсткие антикризисные меры, так и дешёвые косметические полумеры для того, чтобы игра не канула в Лету и продолжала радовать своих поклонников увлекательным головоломным содержанием. Так, повсеместно развёрнутым, далеко не бескорыстным направлением действий стала деятельная поддержка сокрушительному, лавинообразному сверхомоложению шахматного спорта. Десятилетним кандидатом как бы в мастера давно уже никого не удивишь, а как бы уже в гроссмейстеры, случалось, прокрадывались огородами настоящие таланты среднего школьного возраста. И это – тогда, когда обычный не привлекающий общественного внимания подросток делает, может быть, только первые широкие шаги на пути к абстрактному мышлению, то есть, в нашем случае, вырабатывает способность находить что-то общее в непохожих на беглый взгляд позициях.

С некоторых пор соревнования для детей не старше 8 лет с лёгкой душой неизменно заносятся в планы всех шахматных федераций, а местами уже

опробованы под заразительный родительский бум умопомрачительные турниры 6-летних. И это – ещё не предел деловой изобретательности в шахматной работе с детьми. Декоративные посиделки с группками непосед 4–5 лет – обычный теперь способ существования заметного числа рождающихся от брусники (читайте «Калевалу»!) коммерческих образований, материально заинтересованных в раздувании многообещающего измышления о решительной пользе шахмат даже для таких малышей. В бесплатном же приложении к этому – беспредельные родительские амбиции и, как следствие, экстенсивное натаскивание множества едва оперившихся шахматистов на получение скороспелых случайных результатов. А после, за развеейным миражом, – вероятные эмоциональные крушения, утрата неустойчивых навыков, неприемлемое поведение, самозабвенное угрызение ногтей, тики и прочие приобретённые невротические симптомы. В ином случае дети годами под оживлённую болтовню и мимические упражнения без затей передвигают фигурки где-нибудь в местном досуговом центре, распорядитель которого не на шутку опасается предъявить невразумительную игру своих подопечных на городских турнирах.

Вступительное слово ограничивает не законченный ещё разговор об изнанке детских шахмат несколькими общими высказываниями. А уж беды всего нашего ныне побирающегося образования, буквально потрясающе зарегламентированного с неискоренимой канцелярской любовью к детям, – вообще, отдельный стон души. Парадокс, но, хотя и загружены сегодняшние школьники полной программой, создаётся впечатление, что получать для страны всесторонне грамотное и, глав-

ное, всесторонне мыслящее население кому-то всё же экономически очень невыгодно. От пробуждающихся приступов старого русского нигилизма я, встречаясь достаточно близко с чем-то подобным, избавляюсь только тогда, когда вижу результат славных благодеяний элитного крапивного семени в виде зияющего саркастического абсурда, – и никак иначе. Применительно к теме скажу, что педагог определённо обязан привлечь лучшую часть имеющегося опыта, чтобы помочь детям не только стать увлечёнными шахматистами и цельными гармоничными личностями. но и твёрдо устоять перед любыми сыросодержащими мышеловками непредсказуемо мутирующего мира. В известной мере и в пределах его шахматной волости.

Кое-что об источниках

Информацию, которая как-то отразилась на моих взглядах на психологию детских шахмат, по большей части я брал из печатных источников, ибо начал интересоваться этим задолго до появления Интернета. Помощь Интернета состояла в ознакомлении с недавними научными и критическими материалами и получении справок. При этом вовсе не значит, что всё найденное в источниках я принял на веру, то есть не сомневаясь, а где-то опирался только на собственный опыт и пресловутый здравый смысл.

Для данного текста я попытался более-менее обоснованно разделить источники на несколько категорий.

Во-первых, это обычные вузовские пособия по общей и педагогической психологии, учебник В.С. Мухиной «Детская психология», книга

И.С. Кона «Психология ранней юности», книга Р.М. Грановской «Элементы практической психологии», книга В.С. Ротенберга и С.М. Бондаренко «Мозг. Обучение. Здоровье». Назову здесь также весьма интересные издания американского педагога, критика школьной оценочной системы (в том числе тестирования) Джона Холта «Залог детских успехов» и «Причины детских неудач», в русском переводе появившиеся в 1996 году. Неудачи школьников Холт видел как следствие страха и скуки, неминуемо присутствующих в школьном образовании, и одобрительно относился к обучению на дому. Да и действительно, сколько времени для занятий по интересам мог бы освободить толковый любознательный школьник, когда хотя бы часть познавательных предметов добросовестно изучал экстерном! Также Холт считал подходящим делом (имея в виду свою страну) создавать

, то есть по нашей терминологии – центры дополнительного образования, которыми могли бы наравне пользоваться как дети, так и взрослые. Для нашего кружка, думаю, очень бы подошло, если бы некоторых выпускников, родителей или просто хорошо знакомых шахматистов-любителей можно было свободно (то есть вне рамок бюрократического мероприятия) пригласить на партию-другую с детьми из старшей, непременно бюджетной учебной группы. И это только положительно повлияло бы на подготовку юных шахматистов. Да кто ж, однако, позволит, ибо «где ж такое видано!».

Во второй категории помещаю труды классиков отечественной психологии, и в первую очередь Л.С. Выготского, выделившего примечательный принцип педагогической психологии, занимающий достойное место также и в обучении детей

шахматам, – положение о

– понятие, характеризующее расстояние между уровнем того, что ребёнок может решать, творить, изготавливать, исполнять или изображать самостоятельно, и тем, что он уже готов развить или сформировать в себе, взаимодействуя с педагогом. Уделю несколько добрых слов также научной деятельности одного из ближайших сотрудников Выготского А.Р. Лурия в области основанной им отечественной

– науки о связи высших психических функций с определёнными структурами головного мозга. Работой научной группы, возглавляемой Лурия, и открытиями американского нейропсихолога Роджера Сперри с коллегами были получены важнейшие знания по функциональной асимметрии полушарий. Хотя, конечно, первые робкие исследования в этом направлении по воле случая начал ещё французский хирург и антрополог Поль Брока в 60-х годах XIX века.

Третья категория источников – опыт шахматистов-практиков, изложенный в книгах и замеченный на страницах периодических изданий. Прежде всего – это труды доктора психологических наук, гроссмейстера Н.В. Крогиуса: «Психологическая подготовка шахматиста», «О психологии шахматного творчества», и книга «Личность в конфликте», написанная по следам, мягко говоря, непростых взаимоотношений знаменитых шахматистов. Ему же принадлежит статья

в Энциклопедическом словаре «Шахматы» (1990), сообщающая, что ещё до начала внимательного изучения этого вопроса (в 70-х годах минувшего века) практической психологии отдавали должное такие несокрушимые и леген-

дарные корифеи шахмат, как Эммануил Ласкер, Александр Алехин, Арон Нимцович, Рихард Рети, Михаил Ботвинник. Серьёзное воздействие на юного шахматиста, полюбившего шахматы с серьёзными намерениями, на протяжении уже многих лет оказывают конструктивные, неоднократно переизданные книги гроссмейстера А.А. Котова «Тайны мышления шахматиста» и «Как стать гроссмейстером». Психологические рекомендации содержат такие издания прошлых лет, как «Книга начинающего шахматиста» гроссмейстера Г.Я. Левенфиша, «Ступени к мастерству в шахматах» гроссмейстера А.С. Суэтина, «Пути совершенствования» заслуженного тренера СССР В.Г. Зака, пособие для студентов «Теория и практика шахматной игры» под редакцией Я.Б. Эстрина. Да и вообще, не припомню я старых обучающих книг по шахматам, где каких-либо психологических рекомендаций не было бы. Конечно, и среди недавно выпущенных шахматных изданий присутствуют книги, так или иначе имеющие отношение к практической шахматной психологии, например, «Риск и блеф в шахматах» гроссмейстера В.Б. Тукмакова. Некоторую информацию для размышления можно обнаружить в материалах детских тренеров, опубликованных с незапамятных времён до наших дней в выпусках ежемесячного «Шахматного обозрения – “64”». Интересна также свободная от произвольного вымысла биографов литература о жизни и творчестве известных на всю нашу шахматную округу мастеров прошлого. И тем более интересны автобиографические книги и публикации.

Категория источников, которой теперь уже даже неуместно дать какой-то порядковый номер, – труды зарубежных авторитетов психологии

и психоанализа, искавших неопровержимые разгадки всех тайн существования человека во всех ипостасях персонального «Я» и коллективного «Мы». Это – сочинения Карла Густава Юнга, Карен Хорни, Эриха Фромма и других, с ними сравнимых. Отдельно представлю выдающегося швейцарского психолога Жана Пиаже, но потому лишь, что вся его научная деятельность (за вычетом детского и юношеского интереса к личной жизни воробьёв-альбиносов и моллюсков) была посвящена вопросам именно детской психологии. И отвечал он на эти вопросы, изучая развитие по большей части собственных троих малышей. Главный труд Пиаже «Речь и мышление ребёнка» (в русском переводе вышедший в 1932 году) произвёл полный переворот в мировой науке о психологии детей. При этом ни одно из положений его

, отразившей новое понимание процессов восприятия и переработки ребёнком внешней информации, внятно не опровергнуто до настоящего времени. Пиаже ввёл в оборот и поныне часто звучащее понятие , которое кто-то кое-где у нас порой упорно считает полным синонимом понятия , в то время как на самом деле - , в первую очередь, есть природное свойство интеллектуального развития **каждого** человека где-то с 3 до 12 лет. Оно состоит в том, что явления и объекты познания ребёнок видит как бы от себя и не способен ещё свободно взглянуть на свои мыслительные процессы и действия со стороны. Постепенно, однако, начиная с 7 лет, вытесняется , то есть уже реалистичным отношением ко всему происходящему вокруг. И вот только с этого возраста (если вернуться в тесные, но не обидные рамки нашей темы) у юно-

го шахматиста также не сразу формируется способность оценивать события в шахматной партии без мечтательных фантазий и объективно учитывать игровое мнение соперников. А педагог может в какой-то мере ему в этом помочь.

Ближе к этой, чем к иной категории, находится классический труд нидерландского историка культуры Йохана Хёйзинги «Homo Ludens» («Человек играющий»), изданный на его родине ещё в 1938-м, а в русском переводе уже в 1992-м году. Хёйзинга вполне обоснованно считал, что современный ему профессиональный спорт давно уже не нёс своей нормальной игровой функции, такой, какую несли архаичные праздничные состязания. Спорт же, вообще, предпочитал понимать как проявление правящего миром (то есть выражающего волю к власти) . И ведь в пределах своей культурологической сферы он был прав, как может быть прав приверженец иного мнения, обретающийся в иной смысловой действительности.

Примечательное место среди близких источников занимают также произведения писателей-классиков, такие как «Защита Лужина» Владимира Набокова и «Шахматная новелла» Стефана Цвейга, о трагических судьбах литературных гениев, вольно или невольно ограничивших себя миром шахмат. А уж впечатляющий рассказ А.И. Куприна «Марабу» (всего-то не более десятка страниц) убедительно предложит читателю сделать выбор: либо молчаливо дать достойный отпор мрачной по отношению к шахматистам антипатии писателя, либо удручённо подписаться.

Следующая категория – это информация для педагога, готового помочь детям-инвалидам, а намного чаще просто требующим некоторой компен-

сации чувства неполноценности. К таковым отношу детей с нарушением зрения, заиканием, а заодно и просто слегка огорчённых тем, что ещё малы, а потому слабы и зависимы. Интерес удалось проявить к изданиям по педагогической дефектологии, неврозам, и даже к весьма любопытному для любознательных людей «Толковому словарю психиатрических терминов» В.М. Блейхера и И.В. Крук. Кроме особых, не относящихся к нашей теме терминов, словарь вобрал в себя большое количество наводящих понятий, касающихся своеобразных проявлений ещё почти совсем здоровой психики. Большая поддержка желанию привлечь детей, имеющих в душе некоторый внутренний разлад, к увлекательному интеллектуальному труду (в нашем случае – к замечательной игре в шахматы) нашлась в суждениях создателя школы

Альфреда Адлера. Адлер показал, что физические и психические недостатки могут даже подвигнуть человека к достижению цели, определив его уникальный «...». Да и судьба ряда известных людей это подтверждает. Лучший пример – это творчество автора повести «Я умею прыгать через лужи» австралийского писателя-гуманиста Алана Маршалла, в детстве перенёсшего полиомиелит.

К надёжному, неиссякаемому источнику информации хочу отнести любые идеи и находки педагогов-шахматистов, учителей, профессиональных психологов (да кого угодно!), подслушанные, подсмотренные и подхваченные (и даже отвергнутые) мной в годы и моменты, когда напрямую или, скажем, в дебатах на форумах пересекались наши протоптанные в дремучем чертополохе тропинки. Кстати, любой многолюдный и многолетний тематический интернет-форум рассматриваю как хо-

роший практикум по изучению натуральной практической психологии. В этой же категории – убедительные, отзывающиеся с небес на землю повести о детских шахматах принципиального и непримиримого московского педагога А.В. Калёнова, которые с интересом прочтут как юные шахматисты, так и их родители.

Благодаря всему этому, я несколько знаком с самыми что ни на есть контрастными взглядами на цели, задачи, методы и принципы своей сегодняшней профессии.

И наконец, необходимым источником информации, в общем-то, непрямого назначения стало для меня изобилие произведений художественной литературы, героев и персонажей которых, пожалуй, могло увлечь всё что угодно, но не шахматы. Назову романы «Игра в бисер» Германа Гессе и «Зависть» Юрия Олеши, повести «Когда я был маленьким» Эриха Кестнера и «Белый ящер» Павла Вежинова, сказки и рассказы Карела Чапека, любые утопии и антиутопии от Томаса Мора до Джорджа Оруэлла. Здесь же – вся проза Сергея Клычкова и Александра Чака, всё творчество Андрея Платонова, Габриэля Гарсиа Маркеса, Анатолия Кима, Юрия Ковалёва, Наринэ Абгарян... Увлёкся немного – так уж захотелось привести для примера всю самую разнообразную (классическую и современную) выразительную литературу о детях и взрослых, – но всё же пойду даже чуть дальше в том же направлении. Столь же полезными познавательными пособиями стали для меня некоторые сочинения, где вовсе нет ни привычного сюжета, ни привычных общающихся персонажей. Среди них – такие, как «Похвальное слово Глупости» Эразма Роттердамского и «Проект: о введении единомыслия в России» Козьмы Пруткина.

Видимо, обзор источников мог бы быть полнее... и ещё полнее, но исчерпывающим – никогда, так как, во-первых, «нельзя объять необъятное», а во-вторых, нет такой задачи. Знакомство с имеющимися, в том числе и неупомянутыми, материалами вполне благоприятствует желанию поразмыслить над вопросами обоюдно полезного взаимодействия педагога и ученика. И взаимодействие это, как и вся моя текущая работа, касается не только демонстрации друг другу обычных странностей шахматной игры. В условиях, когда перед небольшим разнородным товариществом юных шахматистов объективно не стоят высокие спортивные цели (возложенные всё-таки на специализированные спортивные школы), преобладающей становится оптимистическая, но в наступившей жизни редко выполняемая цель получить на выходе достаточно компетентного, боеспособного, непременно самостоятельного и принципиально цивилизованного шахматиста-любителя. Иначе – сотворить из воспитанника интересного для людей и самого себя человека и подготовить в нём молодого шахматиста, способного, в первую очередь, найти в шахматах хорошее подспорье для полноты жизни и опосредованно для обозначившейся впереди профессии. При этом также хотелось бы подобрать процедуры ненавязчивой помощи родителям в случаях обострения типовых хронических заблуждений во взгляде на выращивание такого шахматиста. Но сие, конечно, относится лишь к тем из них, с кем совершенно непреднамеренно сложились настоящие доверительные отношения.

Опись психологических задач обучения

Избранными для себя задачами психологической работы с юными шахматистами назову:

развитие подлинной мотивации к игре в шахматы,

развитие внимания,

формирование дисциплины мышления,

формирование эстетического отношения к шахматам,

воспитание объективности и самокритичности,

воспитание волевых качеств,

психологическую помощь при подготовке к соревнованиям и в ходе соревнований,

психологическое просвещение юных шахматистов,

поддержание в коллективе условий для роста одарённых детей

и, попутно, сверхурочную разъяснительную работу с населением, то есть с родителями.

В основном, названные задачи будут близко соответствовать заголовкам разделов данного сочинения, но не все – часть из них я, пожалуй, попробую из лубяного решета разбросать по всему текстовому опытному полю.

О подлинной мотивации к шахматам

Развитие мотивации к шахматам, на первых порах спортивной (в виде мотивации

, но не), а уж позже и мотивации к осмысленной логичной игре (то есть), в корне отличающейся от безграничного упования на фатальное везение,

требуется почти для всех новичков, завернувших в нашу шахматную мастерскую. В большинстве своём – это ученики младших классов, дети, в общем-то, обычных способностей. На протяжении каждого неизбежного сентября, в основном, именно такие поштучно отлавливаются ветхими частиковыми снастями бывшего центра детского творчества, не так уж давно по-чиновничьи заботливо приоптимизированного к престижному московскому лицу. И вот тогда – показательная цветная пропаганда со стенда, а теперь ещё и с умиляющего рекламного ролика с музыкой, худо-бедно творит своё чёрно-белое шахматное дело.

При этом отнюдь не все дети бывают достаточно подготовлены к более-менее серьёзному изучению шахмат. Однако хорошее знание правил игры, признаки способности к концентрации внимания и наличие заметного интереса ребёнка к шахматам являются благоприятными условиями того, чтобы надолго быть принятым в действительные члены нашего коллектива. Весьма желательно, а по большому счёту обязательно, чтобы ребёнок имел возможность и дома с вдохновением поиграть в шахматы. В среде таких детей и редкий на нашей территории одарённый шахматист, требующий, извините, особого участия педагога, сможет до поры до времени успешно расти соразмерно своим задаткам.

Поначалу шахматной поросли даётся верная возможность преодолеть тревогу перед неизвестным и ощутить свою первую ещё даже не любовь, но почтительную симпатию к шахматам. Так, войдя однажды в загадочный параллельный мир кабинета шахмат, можно с ходу, невзирая на потери, ринуться на штурм неприятельских бастионов под

наблюдательным взглядом взрослого или, не проникаясь причудливой красотой шахматных словес и имён, полистать прошлогодний пёстрый номер обозрения «64». Для сокрушения психологических барьеров в речи педагога в меру используется игра слов и просторечие, цитирование из лучших мультфильмов и широко известных произведений литературы для детей, шутки с безобидной отвлечённой иронией. К примеру, отработавший свой ресурс молочный зуб предлагается не отдавать мышке, а безвозмездно (но не обезличенно) пристроить по знакомству в спецхран местного филиала «Музея памяти героев Первой оптимизации образовательных учреждений». Попутно, вот, удалось сочинить название, состоящее из чудесной цепочки слов в родительном падеже.

Азы шахматной науки в основном подаются через импровизированный тематический комментарий к тренировочной игре детей, как бы это делал достаточно осведомлённый и почти не раздражительный домашний наставник. Упор на обучение через практическую игру в огромной мере связан с тем, что учебных часов отведено совсем немного, а необходимая домашняя шахматная практика сегодня есть всё-таки далеко не у каждого ребёнка. Непосредственные классические замечания по игре начинающих шахматистов не являются, конечно, конкретными подсказками, всегда достаточно запаздывают по отношению к последующим событиям на доске и часто бывают общими для двоих. Так, застрявшие было на крайней горизонтали боевые слоны и вся королевская конница сравниваются, например, с изредка бастующими канадскими хоккеистами. Пешие же рекруты, побежавшие куда подалее от рокировавшего ко-

роля, объявляются вероломными изменниками, жалкими отщепенцами и продажными агентами сразу всех популярных чужеземных спецслужб. Но если шахматист может уже погружаться в игру настолько, что перестаёт реагировать на всё, происходящее вокруг, или почти дорос до уровня, когда подобный комментарий по спортивным причинам становится неуместным, партия характеризуется лишь по её окончании, и становится востребованной работа над ошибками.

В это же время дети узнают первые сведения по истории шахмат, уверяются в спортивном характере шахмат и исподволь вслушиваются в тезис о том, что каждая партия с их помощью когда-нибудь постарается стать вполне красивой, а значит, поучаствовать в спасении мира, а уж с ним и всей нашей увлекательной игры. Слово о красоте шахмат – несколько позже.

Хорошо развивает мотивацию и простые игровые навыки полностью контролируемая педагогом коллективная игра против игровой программы на поэтапно усложняющихся покладистых уровнях. В подходящих ситуациях запрашивается мнение участников симпозиума юных шахматистов, и затем, при их же помощи, наводится суровая товарщицкая критика на предложенные, но бдительно не допущенные к игре просчёты. Переходящий титул « !» получает шахматист, например, предложивший в нужный момент всё-таки поставить уже конкретный мат в полтора-два хода. Все приключения, происходящие в игре, режиссер театра военных действий объясняет, интерпретируя тривиальный тематический план, и в итоге неизбежная победа над проникшими в компьютер тёмными силами (но ещё не теми, которые

) объявляется одной на всех. Такая мировая война против условного противника хороша и тем, что на этой войне все приступившие к занятиям дети дислоцируются каждый в своей

. Один при помощи педагога всё ещё учится видеть страшные угрозы, другой якобы самостоятельно пытается разобраться в последствиях экспериментального размена, третий, вылезая из кожи вон, норовит уже навязать всему миру некий, ещё неутверждённый план ближней игры. Хотя, конечно, временами бывает, что четвёртый и пятый просто уютно наблюдают за игрой, шестой и седьмой витают в облаках над заброшенными сельскохозяйственными угодьями, восьмой всем своим видом демонстрирует полное отсутствие интереса ко всему, а девятый, десятый и т. д., симулируя приступ перемежающейся амнезии, вообще не пришли в этот день.

Занятия в кружке (чья-то бумажная сметка некогда нашла-таки для детских кружков ещё более консолидирующий термин) должны по большей части быть непохожими на привычные занятия в школе, а кружковод (виноват –) не должен, а значит, совсем и не хочет быть нормализованным школьным учителем. Давно ведь известно и, уверен, не только мне, что решительное сокращение бесцветных обучающих стереотипов, привлечение детей к мотивированному, всецело захватывающему поиску – надёжный способ достижения неожиданного педагогического успеха. При этом теоретические темы, подлежащие пунктуальному обсуждению без помех в истинно прямом эфире, к примеру, доступные технические миниэндшпили, следует, однако, воодушевлённо и

нелегкомысленно погонять на демонстрационной доске. Почему в качестве примера я здесь упомянул именно миниэндшпили? Да потому, что ознакомление с ними имеет огромное значение для понимания шахмат как классической «трагедии одного темпа» (в том числе лишнего), а в практике начинающих встречаются очень редко.

Родителям надо бы принять к сведению, что для поддержки формирующейся мотивации ребёнка к шахматам (и по другим серьёзным причинам) у них имеется единственная предпочтительная реакция на спортивные результаты юного шахматиста – это уверенная, но умеренная радость на успех или маленькое, но заметное огорчение на неудачу. И в то же время есть такие дети, которые после поражения как бы рефлекторно ждут, чтобы на них повысили голос, то есть уже основательно приучены паразитировать на всеильной и непререкаемой воле родителей, не развивая своей. Всё же и в этом случае более чем достаточно (хотя вряд ли так уж необходимо), чтобы не подлежащий обжалованию приговор зачитывал лишь один из родителей, но не оба сразу с подключением энергоёмкой бабушки.

Со своей стороны педагогу надо быть довольно-таки объективным в отношении спортивных результатов юных шахматистов. Реакция на неудачу может быть ограничена изложением психологических причин и выдачей доходчивых рекомендаций. При этом я не скрываю от детей никаких увиденных мной возрастных проблем их занимательной психологии. Для поощрения же во многом пока случайного успеха хорошо выделить какие-то эффективные навыки или незамеченные черты характера ребёнка и твёрдо выразить

надежду на дальнейшее улучшение игры. В этом случае просто очень не хочется авторитетно побуждать азартное отношение ребёнка к священной шахматной игре и отдалять его от адекватной самооценки. Впоследствии уже приходится всё-таки терпеливо дожидаться дня, благоприятного для того, чтобы довести до сведения юного шахматиста мнение о том, что ожидаемые, пусть даже зыбкие изменения, едва произошедшие в его шахматном сознании, востребованы и будто бы необратимы. То есть попытаться внушить ему крупицу веры в себя. Оказанное таким образом высокое доверие ребёнок, конечно, захочет оправдать, но всё же педагогу надо заранее продумать стратегию и тактику общения с ним на случаи, когда досадные осечки всё же ещё будут происходить.

Дети постарше, способные уже демонстрировать несложные трюки на шахматной доске, обычно достаточно мотивированы на живую игру, но изучать шахматы не спешат. Примерами для пробуждения у таких шахматистов желания обратиться к теории шахмат с целью основательного улучшения своей игры могут послужить большие мастера прошлого и настоящего, но отнюдь не местные самоуверенные авторитеты, чья самостоятельная работа часто ограничена поверхностными сезонными раскопками новых для них дебютных вариантов и срочным латанием повреждённых.

Ещё одним средством мотивирования старших, но всё ещё юных шахматистов, назову поощрение интереса к весьма загадочной всемирной истории нашей игры от чатуранги до наших дней и к настойчивому присутствию шахмат в современной жизни как самобытной области общечеловеческой культуры.

Подходящим для приобщения к шахматам детей всех возрастов и способностей оказался особый, и в то же время свободно витающий в воздухе способ организации квалификационной игровой практики на занятиях групп.

Но сначала для сведения сообщу кому надо, что с лета 2003 года в Москве с ярлычком «...» неожиданно (хотя кое-где в городе подобное уже практиковалось) была введена математически интересная и довольно-таки практичная рейтинговая классификационная система по шахматному спорту. У московского рейтинга, понятно, сразу же появились несогласные во всём (ни с Энгельсом, ни с Каутским), но, в основном, по факту самого его появления, однако, обретая популярность, система с боями и кризисами продолжала успешно работать и эпизодически вполне обоснованно совершенствовалась.

Правила расчёта московского рейтинга в первооснове были разработаны без малого по образу и подобию международной рейтинговой системы математиком и шахматным судьёй Э.Л. Дубовым. При этом от зарождения самой идеи плодотворный диалог с ним вёл руководитель шахматной школы при Дворце детского творчества на Воробьёвых горах мастер А.Г. Мазья. Прекрасным новшеством стало введение повышенных коэффициентов развития для обчёта прибавки рейтинга по сравнению с обчётом при его снижении, то есть был учтён неизбежный, относительно быстрый возрастной рост уровня игры юных шахматистов. Система предусматривала присуждение спортивных разрядов по достижении шахматистами определённого рейтинга. Это немедленно настроило детей на сознательные действия в **каждом** бою местного зна-

чения и привело к тому, что рейтинг быстро, как более объективный и часто обновляемый показатель текущего уровня игры шахматиста, почти вытеснил массовые спортивные разряды из сознания множества юных московских шахматистов и части родителей.

С начала 2013 года вплоть до декабря 2015 года непосредственным обчётом московского рейтинга ведал А.В. Калёнов, глава шахматного кружка при ЦТ «На Вадковском». Именно его трудами и заботами об счёт рейтингов московских шахматистов и всё, что при этом выкладывалось на всеобщее обозрение, было доведено до завидной технологичности. Рейтинг-лист позволял не только отслеживать текущий рейтинг шахматиста, но и лёгкими перемещениями курсора находить таблицы турниров с его участием, распределять шахматистов по рейтингу, коллективам, возрасту и полу, получать много другой примечательной информации. Без задержки публиковались таблицы свежезавершённых и уже обсчитанных турниров, и, главное, уже тогда были приняты меры по придерживанию инфляции московского рейтинга. Однако летом или осенью 2015 года в недрах Шахматной федерации Москвы (ШФМ) было предрешиено, что такой комфорт **нам** не нужен, а нужен другой – без архитектурных излишеств. И действительно, удобств и интересных наворотов в московском рейтинг-листе для нас (избалованных и испорченных) несколько поубавилось. И это бы ладно, но также была отправлена в отставку потребность в дальнейшем улучшении математики московского рейтинга.

Альтернативным, уже независимым от ШФМ и доблестной московской бюрократии,

а потому более технологичным и объективным уже с декабря 2015 года стал отмежевывавшийся от московского Открытый русский рейтинг (ОРР) Русской шахматной школы (РШШ). Были изменены правила входа в систему новых шахматистов. С целью дальнейшей справедливой борьбы с инфляцией рейтингов допущено расчётное снижение величины рейтинга ниже ранее незыблемой магической черты в 1000 пунктов. Бесповоротно перешёл сюда едва начатый обсчёт рейтинга по рапиду, то есть быстрым шахматам. К участию в системе были приглашены любые российские шахматные коллективы, и число их множится. А так как ведёт этот рейтинг всё тот же А.В. Калёнов, то по-прежнему можно видеть изменение рейтингов уже в день подачи турнира на обсчёт. Есть недостатки и в системе ОРР. К примеру, премиальная оценка новичка по успешному, первому для него соревнованию может дать несколько завышенную величину начального рейтинга, что ограничит ему допуск в некоторые соразмерные его реальной силе турниры. Нет, однако, сомнений, что расчётные правила ОРР ещё будут совершенствоваться. Если же теперь какие-то неожиданные обстоятельства всё-таки приведут к преждевременной гибели этой объективной и мобильной рейтинговой системы, прежде чем разумно обновлённый международный (или даже нормально сделанный российский) рейтинг не станет вдруг всеобщим и доступным, то это будет болезненным ударом по интересам многих шахматных коллективов.

Около года после размолвки просуществовал (в качестве местного официального) московский рейтинг. Поведать же о его дальнейшей судьбе, похоже, уже не смогу до сдачи этой книги в типогра-

фию. Взамен собственного рейтинга шахматная Москва вслед за всей ликующей страной получила состряпанный когда-то наспех, арифметически нелепый, совершенно нежизнеспособный и явно тяжёлый для работы шахматных спортшкол российский рейтинг. Не буду даже подробно перечислять все недостатки российского рейтинга и зависящей от него разрядной классификации. Но вот, например, бывшему кандидату в мастера теперь ничего не стоит заново уложиться в норму второго разряда. А главное, непригоден он для массовых детских шахмат, так как с огромным искажением определяет реальный уровень игры шахматиста из-за весьма амплитудных и равных в обе стороны коэффициентов развития. У большинства начинающих детей рейтинг просто безумно скачет вверх и вниз, неизменно возвращаясь к неснижаемой тысяче. При этом каждый новичок (в том числе вернувшийся в игру после долгого отсутствия взрослый любитель), в какую бы силу он ни играл, не оценивается по первым результатам, как это делается хотя бы в международной рейтинговой системе; на старте его ждёт всё та же тысяча пунктов рейтинга. Потому и видится сброшенная сверху официальная система классификации по шахматам выполнением наказа избирателей из южных республик о перераспределении бюджетных расходов на детский спорт непосредственно в пользу борцовских спортшкол. Нельзя здесь полностью исключить и всего-навсего заурядной оплошности с последующей, обычной для нашей среды обитания монументальной амбицией непогрешимых идеологов российского рейтинга.

Ну так вот: московские городские соревнования привычно проводятся по расписанию, при-

нятому в швейцарской или круговой турнирной системе, где пропустить игру или не закончить соревнование квалифицированным большинством голосов не приветствуется. Во внутренней соревновательной практике нашего шахматного коллектива (как и многих других) таких затруднений нет: в местных **явочных** турнирах можно за месяц сыграть одну, две, три или двадцать три партии, и все результаты будут бережно переложены на рейтинг. В среднем, наш шахматист за это время успевает провести пять-шесть рейтинговых партий. При этом допускается пропустить один-другой-третий игровой день, если на бескрайних московских просторах свирепствует вирусное поветрие или в жизни всё происходят и происходят разные несовместимые с игрой в шахматы события. Давно ведь вошло в обычай распитие оздоровительных шипучих напитков и ритуальное поедание укрепляющих дух и тело тортов и мороженого на днях рождения одноклассников. Невозможно также лишить детей радости участия в поголовных олимпиадах по всем направлениям типового школьного образования, обязательной экскурсии на любимую кондитерскую фабрику или неотложной помощи родителям в доведении до ума своего же школьного проекта. Найдется множество других важнейших причин. Изредка я и сам предлагаю передышку кому-нибудь из ребят, угодившему в ограждённую красными флажками полосу неудач. Предлагаю передышку и тому, кто совершенно случайно запустил не учёбу даже, а процесс неуёмного натаскивания на прохождение тестов. Тех самых достославных тестов, которые лишь содержанием своим относительно достижения зачётной суммы баллов верно диагностируют последнюю

стадию образовательной дистрофии множества некастовых школ эконом-класса.

Педагогическая правда явочных турниров состоит в том, что они не расставляют юных шахматистов по занятым местам. Растущего не по годам, а по временам года человека интересует лишь изменение объективного рейтинга, то есть, фактически, сравнение с самим собой, нормально изменяющимся во времени. В большей мере явочная система способствует мотивированию детей к шахматам при условии, что в норме между собой намного чаще играют партнёры близкие по текущему рейтингу, сиречь игровому уровню. Между такими равносильными соперниками удобно в неопределённые сроки единого явочного турнира проводить микроматчи (в том числе тематические) продолжительностью до предельной двухочковой разницы в счёте. Воображаемая практика использования для этого спортивно-педагогического приёма лишь почётных разрядов, ну и, понятно, сегодняшнего официального российского рейтинга, такой редкой возможности не дала бы.

Нет нужды искать особую новизну явочных турниров, ибо сам принцип явочной игры с обчётом рейтинга позаимствован из практики заморских шахматных клубов. Такой беспорядочный распорядок можно легко подогнать (для диссертантов и их оппонентов –) хоть к каким социальным, учебным и трудовым условиям, народным традициям и, при желании, к кипучей работе любого шахматного сообщества.

Наша внутренняя насыщенная соревновательная практика (в том виде, как я её описал) никоим образом не препятствует участию воспитанников в городских соревнованиях, включая

турниры цикла возрастных первенств Москвы. Я даже непрестанно способствую тому, чтобы неограниченный контингент моих шахматных войск сражался в таких турнирах как можно чаще и, конечно, с энтузиазмом, удовольствием и посильной моральной ответственностью за качество игры и, соответственно, результат.

Добавлю теперь, что в любом деле (и даже в сиюминутных ситуациях) существует оптимальный уровень мотивации и превышение этого уровня лишь ухудшает результаты действий и деятельности человека. Это как будто правильное положение вписано в анналы психологии ещё под 1908 годом и именуется - , по именам исследователей этого явления Роберта Йеркса и Джона Додсона. Именно по - , например, спортсмены на соревнованиях показывают результаты похуже, чем бывает на тренировках. Оптимум мотивации к чему-либо, естественно, индивидуален для каждого из нас, относится ли он к игре в шахматы или же простому мальчишескому устремлению на виду у публики триумфально промчаться верхом на заднем колесе мотоцикла, не влетевши в попутный пенёк.

Хочу сказать ещё, что если детям, посвятившим свои настоящие способности другим достойным занятиям, просто нравится играть в шахматы, то это – тоже хороший повод посещать шахматный кружок и играть на любом доступном им уровне, были бы подходящие партнёры. Такой народ всегда был и будет мне не менее интересен, чем наши лучшие шахматисты, и я обязательно полюбопытствую их успехам и по возможности помогу. Но при этом с первых же дней всё-таки останусь весьма требовательным к поголовному пунктуальному

соблюдению спортивных правил и норм «fair play» как обязательным условиям честной спортивной борьбы. Поэтому при тематическом приведении соответствующих пунктов не раз демонстративно подчеркну, что правила едины не только для всех гроссмейстеров, но и для всех местных шахматистов и разных творческих личностей и не только где-то на краю Земного щита, но также и здесь у нас, в родном кабинете шахмат.

О внимании в шахматах

Под вниманием в шахматах, естественно, понимается внимание в практической игре. Перебои внимания ведут к грубым просмотрам, всенародно величаемым . Зависит оно от уймы причин: врождённых качеств ребёнка, состояния здоровья, уровня мотивации, эмоциональных проблем, перерывов в игре, космических (во множестве балластных) школьных перегрузок, от опустошающего пристрастия к компьютерным забавам, времяпрепровождению у телевизора и разного другого прочего. На способность к концентрации внимания влияет и то, насколько коллектив сентиментальных конкурентоспособных родственников заваливал и продолжает заваливать чадо дорогими подробными игрушками. Совсем без игрушек, безусловно, нельзя, но в пространстве для игры ребёнка не должно быть одновременно игрушек больше чем нужно, иначе его внимание будет разбросано по всей домашней игротке и не будет развиваться.

Поскольку так уж получилось, что об игрушках вспомнилось именно сейчас, то заодно выскажу, что очень желательно в качестве игрушек также всю использовать различные природные

расходные материалы и многие

бытовые предметы, игровое назначение которых можно легко домысливать или перефантазировать от игры к игре. Это, например, всякие там коробочки, колёсики, шишки, камешки, ракушки, берёста, лупа, магнитик – в общем, всё такое, какое иногда после стирки можно обнаружить в кармане курточки творчески развивающегося младшешкольника. Думаю, что в раннем возрасте не станут лишними специальные игры и игрушки, предназначенные для развивающего обучения ребёнка по методике Монтессори.

«Программа подготовки шахматистов IV–II разрядов» гроссмейстеров В. Чехова, С. Архипова и В. Комлякова употребляет, в качестве одного из первостепенных, понятие . Таким барьером считается условный исторический момент, при переходе через который число односторонних ошибок типа у отдельно взятого вот какого рассеянного юного шахматиста перестаёт носить систематический по количеству и бессистемный по качеству характер. Названная программа напоминает, что «

– это

».

Понятно, что внимание ребёнка безудержно падает от утомления во время затянувшейся игры. Участие же детей в массовых городских соревнованиях в норме продолжается три-четыре игровых дня (чаще – по выходным), когда в течение каждого дня играют две партии с ресурсом времени по одному часу на партию каждому партнёру. Мало того, кое-где и в некоторых других местах, которых становится всё больше, всюду вводятся в обиход малоприспособленные для многих основатель-

ных детей двухдневные пятитуровые коммерческие турниры, когда в один из дней проводится три игры. Таким образом, игровой рабочий день совсем юного шахматиста может составить до пяти-шести часов и более с весьма ограниченным перерывом между партиями. При таких реалиях число погибших от шальной карточки пешек, число без вести пропавших в бермудском квадрате шахматной доски фигур, число королей, получивших скоропостижный мат по крайней горизонтали, а также число партий, законченных по правилу поражения за второй невозможный ход, превышает возможности статистического учёта. Часто становится не лишней индивидуальная психологическая помощь при подготовке к соревнованию, в коротких перерывах между партиями, по окончании неудачного игрового дня, а то и в течение какого-то времени по завершении безрадостного турнира.

К разговору о психологической помощи перефразирую сказанное ранее: для пользы нашего общего дела любые избыточные рефлексии взрослых на неудачи и успехи юного шахматиста лучше бы всё-таки укротить. Повлиять же брызгами слюны, уничтожающим взглядом, гнетущим молчанием, обещанием шоколадной жизни или товарно-денежного вознаграждения и прочими заурядными средствами на изъятие внимания и мышления ребёнка – невозможно! Ребёнок либо перестанет внимать лучшим пожеланиям, либо начнёт искать в шахматах легкие пути для удовлетворения родительских чувств. И ведь может найти.

Ну и отдельное слово, наконец, хочу сказать о мальчиках с явными признаками

( ). Такими признаками можно назвать им-

пульсивность, неуёмное возбуждённое состояние ребёнка, полную неспособность сосредоточиться, привычные конфликты с окружающими. Патология это или всего лишь отсутствие навыка нормального поведения, но реальное обучение такого ребёнка шахматам, в лучшем случае, надо отложить.

Что касается мышления

Понимание феномена мышления человека с давних пор полемично в среде психологов, и донны не нет ни единого бесповоротного взгляда на процесс мышления, ни, соответственно, единого чёткого определения термина. Однако многим деятелям из шахматной среды это не мешает, извлекая из пустого котелка волшебные слова «...» или «...», легко выдавать утверждение, что шахматы удивительно хорошо это самое мышление развивают. Развивают, естественно, как, наверное, любой интеллектуальный и жизненный опыт, но не у всякого, далеко не раньше времени, ну и отнюдь не в такой степени, как это преподносится. Думаю, что здесь скорее обратная причинно-следственная зависимость. Привлекая на свою сторону мнение первого чемпиона мира по шахматам Вильгельма Стейница о том, что «интеллектуально одарённые люди проявляют влечение к умственному развитию», выскажу, что ребёнок, предрасположенный к страстному восторженному познанию мира и огромному стремлению к его осмыслению, вполне может потянуться и к шахматам. Что же касается развития именно мышления, то я склонен говорить преимущественно о совершенствовании способным мотивированным юным шахматистом чисто шахматных навыков. То есть

говорить о формировании устойчивой концентрации внимания, о выработке игровой дисциплины и, главное, об объективности, слово о которой ещё будет сказано позже. И в таком понимании предположу, что целенаправленная, требовательная (но без менторского тона) помощь педагога в обретении ребёнком лучших качеств, сопутствующих чудесному раскрытию **образно-логического** шахматного мышления, подразумевает преимущественно индивидуальный подход. Для достижения хотя бы первого положительного педагогического результата следует не раз и не два попытаться привести в надлежащий порядок наработанные уже практические навыки и фрагменты теоретических знаний юного шахматиста. По мере выхода из ... стадии развития, годам так к 12–13 (об ... и

Жана Пиаже говорилось выше), обычный усердный подросток сможет уже довольно-таки обоснованно планировать партию, опираясь на игровой опыт, знания в области дебюта и технического эндшпиля и хорошую осведомлённость насчёт позиционных принципов шахматной игры. Несомненную роль в этом сыграет и то, что к этому возрасту в паритетную взаимосвязь с работой правого (условно говоря – ...) полушария головного мозга уже активно подключится левое (в общих чертах – ...) полушарие.

Эти приблизительные однословные определения, конечно, мало говорят о функциональной асимметрии полушарий, но найти более ёмкие и неопровержимые мне не удалось, как не удалось это сделать и специалистам, к которым я обратился за консультацией. Какое именно из полу-

шарий к выходу из подросткового возраста станет , определит пожизненную стратегию мышления человека, но работать на хорошего хозяина оба полушария всегда будут сообща. Ответственность же за их слаженную работу будет нести структура головного мозга, не в шутку именуемая .

Далее для успешно развивающегося юноши было бы желательно, чтобы в процессе освоения премудростей шахмат появился поиск культурного слоя, не затронутого ковшом прописных догматических положений. Пример такого поиска – ознакомление с волнующими разум образцами этюдной композиции и лучшими партиями по-настоящему уважаемых творческих шахматистов, в том числе и не удостоенных высоких государственных почестей.

Степень воздействия на мышление юного шахматиста сильно ограничена уровнем индивидуальных задатков. Сами же задатки, будучи сбалансированным комплексом природных возможностей человека, в свою очередь ограничены дефицитом любой из этих возможностей, например, недостатком волевых качеств, работоспособности, стрессоустойчивости или слабостью оперативной памяти. Да и раскрываются задатки не сразу, а согласно расписанию сензитивных возрастов развития ребёнка. Не удивлюсь, если узнаю, что какой-то недостающий компонент задатков был чудесным образом хорошо скомпенсирован иным, неординарным врождённым или приобретённым человеческим качеством. И опять же не удивлюсь, если будет иметь место пробуждение способности, пребывавшей в состоянии , вроде спящей почки у дерева. Но намеренно повлиять на такие явления извне дозволено только средст-

вам зарубежной научной фантастики. Задатки и их проявление, естественно, зависят от наследственности, условий развития, полученного также в младенчестве (а то и внутриутробном возрасте), здоровья, игры инстинктов и рефлексов, работы гормонов и нейромедиаторов и определяют до трёх четвертей возможностей бессрочного вклада человека в его плодотворную и успешную творческую работу, а то и больше.

Шахматное мышление вряд ли станет продуктивным, если будет прямолинейно и поступательно проходить мимо допустимых путей решения конкретных задач. Это – и подбор ходов-кандидатов, и розыск различных планов игры, и работа по составлению реестра личного дебютного репертуара, и многое чего ещё. Прививать юным шахматистам способность к такому универсальному подходу к проблемам (в устах методистов и некоторых начитанных столбовых чиновников – к) – ещё одна многолетняя задача педагога.

Также уверенно считаю, что активное постижение ребёнком основной шахматной терминологии может несколько ускорить наработку шахматных навыков. Прилежный начинающий шахматист с пользой для шахматного образования и развития литературных способностей сочинит и оставит благодарным потомкам (если клятвенно пообещать, что грамматические будут не в счёт) свои образцовые определения понятий и терминов от , , и до , , и т.д.

В прежние времена для развития аналитического, синтетического, комбинаторного, систем-

ного, интуитивного и любого другого мышления в пределах шахматной доски я порекомендовал бы подросткам незабвенную игру по переписке. К сожалению, с тех пор как шахматную партию стало возможным вести с помощью аквариумной государыни Золотой Рыбки (то есть очередной версии программы *Rybka*), былая прелесть классических заочных шахмат изрядно потускнела. Теперь же, единственно для поддержания спортивной формы, могу благословить лишь прямую заочную игру воспитанников через Интернет.

О важности понимания красоты шахмат

Чтобы будущему несостоявшемуся шахматисту однажды не стало мучительно больно за бесславно прожитые шахматные годы, хорошо бы научить его ещё в юном возрасте ценить красоту шахмат.

Часть занятий без ущерба для игровой практики может быть посвящена демонстрации партий с ошеломляющими комбинациями, позиционными жертвоприношениями или осмысленно сотворёнными из ничего уникальными, внешне противостественными построениями. Существенную помощь обожествлению шахмат в глазах подростков, может быть, получим и от решения (или даже просто рассмотрения) этюдов из золотого запаса произведений шахматного искусства, созданного творческим трудом лучших шахматных композиторов.

Шахматная композиция (с некоторых пор – дисциплина вида спорта «Шахматы») – это составление задач и этюдов, решение которых состоит в поиске неочевидного тихого хода, неожиданного парадоксального плана игры, неповторимой целе-

вой позиции. Гурман шахмат, взявший неподдающийся было этюд, испытывает воистину настоящее эстетическое чувство. Не случайно чудотворцу шахматной композиции Алексею Алексеевичу Троицкому, создателю стиля и автору внушительного числа превосходных художественных этюдов, как бы являющихся фрагментами возможной шахматной партии, в 1928 году было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Вредит же формированию эстетического взгляда на шахматы, а значит, и настоящей **творческой** ( ) мотивации шахматиста, уже серьёзно претендующего на вразумительную игру и достойные результаты, уродливое перемещение фигур в насквозь безнадежной позиции. Такое неуважение к партнёру, и в такой же мере к самому себе, не содержит признаков нормальной привлекательности. Часто подобному первобытному существованию детей в шахматах способствуют любящие родители, взирающие на шахматы со стороны высокозрелищных азартных видов спорта, где пламенная надежда на чудесное (и красивое!) спасение в добавленное время зачастую бывает оправдана.

Об объективности и самокритичности

Воспитание объективности как способности справедливого, непредубеждённого, неслучайного и всестороннего отношения ко всему сущему есть наиважнейшая функция шахматного спорта. На это свойство уже непременно осмысленных шахмат указывал нам ещё сам Александр Александрович Алехин.

Бывалые шахматисты вполне осознают, что играть, рассчитывая на ошибку партнёра, можно

лишь при вынужденной игре ва-банк, то есть уже решительно рискуя всем. Но чем ниже уровень подготовки шахматиста, тем в большей степени игра его может **сознательно** содержать слабые и даже проигрывающие ходы, исполненные в затаённой волнительной надежде на грандиозную оплошность товарища по партии. Педагогу следует продемонстрировать юной аудитории опровержение излюбленных дебютных ловушек, показать необоснованность поспешных опрометчивых наскоков и необдуманных шахов. И даже простой непреуспевающий шахматист-любитель со временем, наверное, сможет-таки понять, что случайная победа над зазевавшимся соперником не сделает ему чести, не прибавит игровых навыков и, опять же, не имеет ничего общего с красотой шахмат. Соответствующие призывы могут рефреном звучать при работе с юными шахматистами всех возрастов и уровней.

Время, конечно, неплохо лечит дефицит объективности у детей, преодолевающих возрастной, неизбежный, но жизненно необходимый для последовательного развития ребёнка , однако усилия педагога будут к стати и в этом случае. Воспитанию объективности способствует критический разбор сыгранных партий и, конечно, контакт ребёнка со средой, где это качество присутствует в почёте и уважении. Такой средой (то есть тем, что теперь сплошь и рядом называется) с наибольшим успехом может быть семья. Изредка я привожу откровение одного из знаменитых шахматистов ушедшего поколения, успевшего поблагодарить всех партнёров, когда-либо побеждавших его и тем самым побуждавших к непрестанному совершенствованию.

Таким образом я, пусть даже с миниатюрной надеждой на понимание, призываю детей не считать поражения от превосходящих сил соперников чем-то зазорным и относиться к таким неудачам как к необходимому стимулирующему условию будущих успехов.

Формирование объективности, безусловно, сочетается с обретением юным шахматистом адекватной самооценки и такого славного качества, как рациональной продуктивной самокритичности, которую здесь прошу не принимать за патологическое самобичевание.

Некоторые дети (про некоторых взрослых уж промолчу) при неудачах и не пытаются искать причины ни в нерушимых дефектах своей игры, ни в личных, временами выпирающих недостатках. Вероятно, даёт о себе знать так называемый – устойчивое качество, разрешающее человеку беспрепятственно возложить ответственность за свои неудачи и даже успехи на внешние причины. Обвиняемыми становятся невыносимые родители, бестолковые учителя, отвратительное солнышко за окошком, тьма повседневных наислучайнейших обстоятельств. Заодно верится и в навлечённую на себя головную боль. Такие шахматисты развиваются медленно и куда-то не туда, хотя в остальном и обладают многими доброкачественными задатками.

Как лечить хронический дефицит здоровой самокритичности?!. Видится такая историческая (или истерическая) живая картина: ревущий малыш и авторитетная мамаша, поднявшая руку на стульчик, о который будущий юный шахматист слегка ушибся. Слов, созревающих для обращения к уже полновесному отроку, думаю, маловато

будет. Впрочем, выправление деформаций характера иногда где-то как-то зависит и от выявления породивших их давних причин.

К испытанию на работоспособность могу предложить, пожалуй, весьма труднодоступное для многих даже очень сознательных взрослых средство. Способствуйте формированию ироничного отношения ребёнка к его недостаткам, подавая неподдельный пример для подражания! Превратите искреннее, слегка насмешливое признание собственных просчётов и промахов в собственное достоинство! Но пусть всё-таки вождельных поводов для этого будет как можно меньше.

Слово о волевых качествах

Развитие волевых качеств – существенная задача серьёзного, пусть даже любительского спорта, в том числе и шахматного. Часами, не теряя концентрации, держать себя в поле мощного интеллектуального напряжения, заставлять себя интенсивно и изобретательно работать за доской, преодолевая встречную агрессию или возмутительное сопротивление соперника, проявлять грандиозную стойкость духа при неудачах, а иногда и умение собраться с мыслями после нечаянного успеха – это лишь надводная часть затасканного айсберга волевых качеств шахматиста.

Добавлю к этому набору способности удержаться от импульсивного, а потому сомнительного решения, самообладания при игре в глубоком цейтноте и целую неопознанной мной ни в одной шахматной монографии (в качестве обособленного понятия)

. Именно последнее качество застав-

ляет человека бороться и искать выход из чрезвычайного положения, кажущегося, а то и объективно являющегося безвыходным. И ведь что непременно – при недоступности достоверного прогноза насчёт исхода выполняемых практических шагов, но при усиленном контроле возможности эффективных действий в непредсказуемо изменяющейся ситуации.

Концепция феномена

разработана В.С. Ротенбергом в сотрудничестве с В.В. Аршавским в 70-х годах прошлого века и, в конечном счёте, сводится к заключению о значении этого качества, прежде всего, для здоровья человека. Номинальный уровень

дан нам от рождения, но её практические возможности можно развить до индивидуального максимума. Шахматисту может помочь решение этюдов и разбор позиций, в которых

была проявлена (или могла быть проявлена) мастерами и гроссмейстерами. В книге мастера Я.В. Дамского «Последний шанс», содержащей много таких примеров, непосредственного обращения к термину я также не нашёл, однако сочту, что напомнить самому себе да, может быть, и кому-то ещё об этом издании в мягкой обложке для чтения на ночь (с целью дальнейшего применения в учебном процессе) не забыл.

В соответствующем разделе я приведу свидетельства облечённых доверием исследователей о роли полноценного сна в восстановлении ресурса, изрядно потрудившейся в течение дня.

К сказанному добавлю на полном серьёзе, что признаком недостатка волевых качеств у детей являются обычные детские капризы, искоренять

которые силовыми приёмами и демагогической риторикой (как это местами более-менее успешно делалось и делается в отношении капризов взрослого населения) совершенно бесперспективно. Что же делать, если старинный секрет утерян? Попробуйте на холодную голову найти свои неразрушительные локальные способы выхода из такого положения и постарайтесь особо не потворствовать. Хотя говорят, что разовый результат можно получить при помощи какого-нибудь неожиданного отвлекающего спецэффекта; сразу даже трудно придумать подходящий пример, ну не бить же тарелки.

Перед соревнованиями

Психологическое воздействие на шахматистов непосредственно перед соревнованиями, при необходимости, целенаправленно состоит в адресных наставлениях и процедурах примерно такого содержания:

закоренелому лентяю, по возможности, втолковывается, что, наконец-то, появился хороший повод без особого вреда для неуёмного аппетита и сладкого сна поработать над белыми пятнами в знании любимых дебютных вариантов и технических эндшпилей;

бойцу, выходящему на тропу войны за призовые трофеи, авторитетно сообщается, что он вполне заслуживает настоящего головокружения от предполагаемого успеха;

временно не претендующему на успех юному шахматисту (и его встревоженным родителям) предлагается воспринимать предстоящий турнир в качестве необходимого соревновательного опыта, который всё-таки следует приобрести, несмотря на

откровенный прогноз любимой сестры о будущем результате;

младшим шахматистам, чтобы немного усилить кровоснабжение мозга, как-то отвлечь от излишнего напряжения и внушить некоторую веру в предстоящий успех, рекомендуется перед началом игры немного потереть ушки, а потом, возложивши ладошки на едва затянувшийся родничок, прошептать в сторонку чудодейственное «*!*»;

перед редкими ещё доступными нам командными соревнованиями или турнирами с командным зачётом до глубины души каждого безучастного соучастника осознание того, что команда – это не просто волей-неволей собранные вместе наши не всегда даже лучшие шахматисты, но и вроде бы сплочённый коллектив, имеющий общую неразменную задачу.

При всём при этом основная работа в направлении психологической готовности детей к соревнованиям всё же неустанно ведётся на занятиях, хотя бы потому, что регулярная игра большинства ребят в городских соревнованиях есть безусловная составная часть жизни нашего шахматного товарищества. Да и наш внутренний турнир по большей части складывается из принципиальнейших междоусобиц. Чаше чего другого приходится напоминать, что, получив преимущество или справившись с проблемами, ни в коем случае нельзя расслабляться, пока партия не окончена, и о том, что не надо в нерешительности метаться между возможными продолжениями, а надо собраться и разобраться с каждым из них по очереди. Сильно волнующимся перед игрой детям рекомендуется несколько придерживать прямое исполнение даже единственных ходов в дебюте. Этот же совет даётся

всем, кто играет против быстро играющих противников, чтобы по инерции не попасть в неприятный для себя темп.

Психологическое просвещение юных шахматистов

Получение детьми сведений не только по психологии шахмат, но и по психологии общей и практической я вижу существенной частью их подготовки. Конечно, лучше знать, чем не знать основательные психологические рекомендации гроссмейстера Котова, однако считаю, что верным делом станет и пробуждение интереса юных шахматистов к психологии как увлекательной специфичной области знаний о человеке. Любопытный подросток для начала с интересом прочтёт несколько популярных книг, например, во многом ещё не устаревшую книгу Я.Л. Коломинского «Человек: психология» и упомянутые ранее «Элементы практической психологии» Р.М. Грановской. И вскоре (то есть всё же – через года) кто-то из самых увлечённых повзрослевших ребят однажды (дайте пометчать!) вдруг обнаружит себя в захватывающих сетях идей и теорий психологии и психоанализа от флюидов « » Франца Месмера (конец XVIII века) до современного многообразия особых взглядов на все проявления внутреннего мира человека. А кто-то другой, может быть, освоит аутотренинг или какие другие подходящие технологии и тем самым научится снимать психоэмоциональное напряжение, ослаблять стресс, углублять мышление и обострять внимание. И я ему в этом иной раз белой завистью позавидую.

Заботой педагога, рекомендующего детям любовь к психологии, станет предупреждение против не критичного прочтения легкодоступных ныне творений, обучающих искусному манипулированию людьми и сооружению душепробиваемой психологической защиты.

Удивительная роль полноценного сна

До середины прошлого века почему-то считалось, что ночной сон – всего лишь отдых души и тела от беззаветного и ударного дневного труда, но уже вскоре было выяснено, что вопрос немного сложнее. Сейчас нет какой-либо причины отправиться в развлекательное

по дебрям достижений физиологов в изучении сна, но и обычное риторическое поучение о необходимости сна полноценного, как водится, не оставит должного впечатления.

Наш сон неоднороден, и это утверждение, смею надеяться, уже не будет поколеблено никаким дальнейшим развитием науки, хотя, конечно, нижеприведённые термины при большой научной необходимости могут пластически видоизменяться от одной диссертации к другой. При достаточно простом подходе выходит, что ночной сон не нарушившего спортивный режим человека состоит из 4–5 циклов длительностью около полутора часов каждый. Цикл в свою очередь состоит приблизительно из двух фаз – и

предшествует последняя стадия, известная под названием

Так вот: наибольшее значение для человека сегодня приписывается именно и

Исследования, проведённые где-то далеко за пределами нашего подразделения детского творчества лучшими умами, в детстве, подозреваю, хотя бы немного увлечёнными шахматами, позволили достоверно заключить, что во время , происходит перезагрузка дневной информации в зависимости от её значимости. Небезосновательно выведено, что в случае превышения ватерлинии в памяти будто бы лучше сохраняется то, в чём наиболее заинтересован человек для дальнейшей деятельности. Если соотнести сей вывод с нашей темой, то могу допустить, что при недостаточной внутренней мотивации ребёнка или индивидуально непомерной школьной и иной интеллектуальной нагрузке может быть сильно потрачена именно та часть дневной информации, которая относилась как раз к шахматам.

, именуемый также , характеризуется активной работой мозга и усилением мозгового кровообращения. В этой фазе сна здоровый человек смотрит яркие, криминально нереальные приключенческие сновидения и сам изредка принимает в тех событиях беспримерное героическое участие. Приведу вывод, полученный уже другими умнейшими представителями научного сноведения наверняка пожизненно (и не в ущерб основной работе) влюблёнными в шахматы, что «

поисковой активности». О пользе этого качества, необходимого для каждого глубокомысленного хорошего человека, говорилось выше.

Значение здорового сна в жизни шахматиста побудило меня изложить этот вопрос вроде бы не

по теме предъявленным и вряд ли уж навсегда безошибочным лиро-эпическим отступлением вроде

Хочу сказать, что показателем (для младших научных сотрудников –) полноценности сна является психо-физиологическое состояние человека во время бодрствования, и какие-то нарушения этого состояния у ребёнка должны задержать на себе внимание педагога и родителей. Не открою никакого технологического секрета, сказавши, что одним из элементов гигиены сна ребёнка является его способность под воздействием телепортации (или по подсказке мамы) безропотно перемещаться в постель в одно и то же время, причём не поздно. При несоблюдении такого пунктуального режима ненаглядное дитя (солнышко, зайчик, ласточка) может испытывать трудности при засыпании. По этой же причине обычным делом становится переключение бурной диверсионной деятельности малолетнего преступника на какое-либо спокойное занятие непосредственно перед сном. Ну и сюда я всё-таки приобщил бы ещё антизаниудное правило **не воспитывать** ребёнка в это время, а найти какие-то добрые слова, например, в счастливом финале хорошей сказки. Пусть даже и с присутствием фразы «мёд-пиво пил».

Последнее слово к родителям

Не скрою, моему произвольному и одновременно акцентированному опыту якобы хладнокровного научно-исследовательского наружного наблюдения за поведением и позицией родителей идёт уже третий десяток лет. Первым объектом такого надзора, конечно, стал я сам, когда ещё толь-

ко подумал, что неплохо бы привести дочь в шахматную школу на Воробьёвых горах. Там среди родителей я нашёл людей спокойных и взволнованных, продолжающих играть в шахматы и досрочно освобождённых от них по состоянию здоровья, объективных и (чаще) живущих хроническими

шахматами у внимательного и по делу требовательного педагога. При этом он уже **сам** добровольно и крепко любит нашу игру, имеет также другие интеллектуальные интересы (и домашние обязанности). Решающую же ответственность за все проявления своего детского существа пробует нести уже перед **собственной взыскательной самодостаточностью**. Родители, по возможности, с чувством меры поддерживают увлечения юного шахматиста, помогают решать организационные вопросы, могут до поры до времени выделять из семейной среды износостойкого шахматного партнёра. И при этом, к чему уже призывалось ранее, успехи ребёнка встречают одобрительно, но без фанфар и праздничного салюта, а неудачи – неплохо исполненным нешумным огорчением. Они видят шахматы не только верным средством самореализации ребёнка, но и хорошим условием сплочения семьи. Видят их просто подходящей развивающей, отнюдь не безошибочной спортивной игрой, дающей ребёнку также и необходимый практический опыт конкурентного общения. Ну и, понятно, – игрой, которая с положительной вероятностью поможет формированию личности и налаживанию неких, в том числе ещё неведомых науке добрососедских дружественных связей между полушариями, долями, телами, системами, центрами и лучшими нейронами растущего головного мозга. Год-другой, и когда вдруг, вроде бы неожиданно, проявляются особые способности и стабильно множатся урожайные спортивные результаты, то и родительская помощь становится более активной, однако и тогда – не чрезмерной.

На родителей юных шахматистов, разумеется, также распространяется ранее упомянутый

психологический - насчёт оптимальной мотивации. Если же истории всё-таки известны эпизоды всепоглощающей, часто неприглядной, но тем не менее эффективной мотивации родителей, то, в основе своей, они соразмерно, а значит, оптимально соответствовали даже не одарённости, а высочайшему шахматному таланту, трудолюбию и могучему психическому здоровью, скажем, сестёр Полгар, Александры Костенюк или Гаты Камского. И это – даже не исключение и не гигантское отклонение от общей нормы. Это – те, кто взошёл на никогда не пустующую вершину пирамиды, как бы сложенной великим множеством проворных и цепких сверхмотивированных родителей. Оставим, однако, без дальнейшего обсуждения эти особые случаи, иногда напоминающие о себе своими сумрачными гранями, – они не из нашей темы. Всемирная мотивация родителей на суперранние успехи детей, чем-то похожая на панику, уже привела к тому, что легионы 5-6-летних будущих чемпионов плотно усаживаются за шахматные столики в ущерб своевременному формированию актуальных способностей и нормальному детскому стремлению к познанию окружающей действительности. И никто знать не желает, что шахматы – слишком сложный спорт даже для многих отличающихся умом и сообразительностью взрослых. И никто вспомнить не хочет, сколько превознесённых вундеркиндов (и не только в шахматах) по разным причинам (а то и почти без них) оказалось пустоцветом.

Целенаправленные занятия с детьми, уже знакомыми с правилами и имеющими некоторую домашнюю практику, хорошо начинать лет эдак с 8–9, предпочитая разбор соответствующих уров-

ню игры принципиальных ошибок. То есть в возрасте, когда, по моему мнению, заметно повышается роль педагога в шахматном развитии обычного любознательного ребёнка. А если раньше, то в каждом случае внимательно взвесив все и согласно заповеди «Не навреди!». Вопрос здесь в том, станут ли шахматы в недолгий срок значимой и светлой **долгосрочной** частью **личной** жизни или даже для одарённого и мотивированного ребёнка быстро превратятся в тягостную и нервную общественную (то есть семейную) нагрузку.

Ещё и поэтому я убеждённо голосую против широко пропагандируемого огульного, тотального и повального шахматного всеобуча несметного числа младших школьников. Вдохновителей сего натушно продвигаемого (естественно, бюджетного) прожекта явно не волнует, сколько проникнутых ненавистью к настольным играм девочек и рвущихся на футбольную площадку пацанов криком, угрозой и обманом будут загонять на эти странные уроки. Вот реальный, не замкнутый на себя шахматный кружок в школе – это по-взрослому, но только для детей, выразивших пусть даже подсазанное родителями, но всё-таки свободное волеизъявление. При этом также неплохо иметь по комплекту недорогих шахмат в каждом классе и на этажах.

Другой классический, иногда очень активный предрассудок мирового сообщества околошахматных родителей – это общественное мнение о том, что для получения немедленного эффекта память начинающих шахматистов любого возраста и любых способностей надо сразу же глубоко загружать дебютными вариантами. Без доли сомнения уверен, что конкретное формирование удобного для ребёнка будущего дебютного репертуара

противопоказано, прежде чем он надёжно не освоит общие принципы развития игры в дебюте и не накопит приличной суммы тактических навыков. А на это могут уйти все несравненные младшие школьные годы. Юный шахматист должен осознавать, зачем и почему он делает очередной, пусть даже на удивление ошибочный ход. Поэтому сначала – как бы «Устный счёт» по Н. Богданову-Бельскому (захаживайте в Третьяковку-то!), и уж только потом – как бы неравенства, логарифмы, аналитическая геометрия, математический анализ, дифференциальные уравнения, теория вероятностей, ну и т. д. Пример же для устного счёта хорошо просматривается на автобиографической для самого художника картине, изображающей урок арифметики для крестьянских детей в особой, впрочем, народной школе замечательного педагога и учёного С.А. Рачинского. Могу предположить, что редкая птица из последних поколений ведущих инженеров нашей страны долетит до середины предложенного детям расчёта без помощи калькулятора.

Где в человеческой природе сидит свойство искренне заблуждаться? Ещё от Конфуция было известно, что **«истинное знание – в том, чтобы знать пределы своего невежества»**. Подобные обращения к просвещённому человечеству других учёных и писателей (Чарльза Дарвина, Бертраана Рассела, а по слухам и самого Вильяма нашего Шекспира) посодействовали тому, что к 1999 году вопросом, наконец-то, не на шутку заинтересовались американские исследователи Дэвид Даннинг и Джастин Крюгер. Экспериментами над подопытными студентами Корнелльского университета было-таки засвидетельствовано, что чем ниже

компетентность иного человека в каком-то вопросе, тем зачастую больше он уверен в своей правоте. Такого знатока выдают неопровержимые речевые интонации и категорическая нетерпимость к возражениям, а по-настоящему знающего все стороны своего дела специалиста во многом совершенно справедливо грызёт червь сомнений, хвалу и клевету он приемлет равнодушно и, как правило, не оспаривает глупца. В самых простых проявлениях именно из-за предательского действия

- миллионы искушённых профессионалов разных достойных специальностей совсем непритворно полагают, что также хорошо разбираются в футболе, политике, законодательстве, жизни народов Севера и т. д. Без лишних расспросов они запросто раздают бесплатные медицинские рекомендации, мучают приятелей своими потрясающими воздух виршами, услаждаются собственным задушевым колоратурно-драматическим фальцетом и т. п. Здесь же и движущая сила чудесных превращений многих любопытных оптических обманов (а то и наукообразных фантазий с чертовщинкой) в непреложные околonaучные телевизионные сенсации в качестве обязательных пауз между завораживающими рекламными подборками. На более серьёзном уровне

- очень хорошо объясняет такие атрибуты активного существования иного человека в этом мире бушующем, как амбициозность и фанатизм, а по стране – засилье и беспредельный разгул некомпетентности в компетентных (то есть полномочных) органах всех уровней. При этом некоторые носители профессиональной некомпетентности могут, напротив, неплохо разбираться в спорте, музыке, живописи или, может быть, лучше сказать, что всё-таки в изысканных понятиях

дорожно-ремонтного, строительного, мусорного или ещё какого своеобразного бизнеса.

В любом случае больше общайтесь с ребёнком, но не берите на себя ничего из того, что ему лучше бы решить самому! Старайтесь чаще воздействовать ненамного. Используйте все его нешутливые увлечения, чтобы терпеливо, но не назойливо прививать качества, которые считаете жизненно необходимыми, например, усидчивость или обычай не выпадать в нерастворимый осадок после неудач. Помогите юному шахматисту полюбить шахматы в себе больше, чем себя в шахматах. Не мешайте ему получить непременно **собственное**, и значит, действительно полезное для развития и необходимое для формирования чувства ответственности почти взрослое занятие. Не перегружайте ребёнка, и тем более себя ненасытным увлечением вопросами спортивной классификации, ведь даже объективные рейтинги (а почётные разряды и по-прежнему) – утешающие, но до конца не выверенные символы успеха. Математика рационально сбалансированных устоявшихся рейтинговых систем, построенных на концепции профессора Арпада Эло, работает так, что сегодняшние результаты почти не повлияют на будущий рейтинг через полгода активного спорта, а каждое последнее соревнование оцифрует **текущий** рейтинг наиболее близко именно к **текущему** уровню игры шахматиста. Рейтинговая классификация, конечно, нужна, но, главным образом, своим мотивирующим присутствием, непрерывным технологическим процессом, и даже нужна просто в качестве рабочего инструмента организаторов соревнований. А педагогу она нужна, например, для прогнозирования неуклонного роста одарённого юного шахматиста.

С чувством отдаваемого детям долга за открытое общение и с благодарностью за их неумение **правдиво** врать не прерву своего обращения к родителям. Не заточайте ребёнка в отгороженные от обычной жизни залы для игры в шахматы! Ходите с ним на выставки, в музеи и театры, в зоопарки и дельфинарии. И пусть посещает бассейны и спортплощадки. Пусть отлавливает для кошки заполонивших все подмосковные водоёмы ротанов. Пусть, поднимая , отыскивает для вечерней картошки многодетные семейки лисичек в кишасе злобными насекомыми лесу, тем более когда надежд на лёгкий успех не так уж и много. И пусть читает самые остроумные книги и слушает иногда любую совместимую с предполагаемым внутренним миром и физиологическим развитием (и уважением к соседям) музыку! Всё это поможет здоровому ребёнку культивировать на плодородной почве умственной работы свою неуёмную творческую фантазию, и вскоре (или опять же годами позже) шахматы и спортивная жизнь в них станут кладезем аналогий и превосходной обучающей моделью для его будущей **любимой** и успешной взрослой деятельности. Да, вот что ещё: по возможности, не забывайте оставлять ребёнку сколько уж получится свободного от всяческих развивающих расписаний и от вашего надзирающего внимания времени. Именно в такие мгновения жизни в детском сознании (ещё не погруженном в телевизор и гаджеты) из ближайшего пережитого и познанного рождается множество удивительных открытий мира и закладывается первичный опыт будущего созидательного творчества. Ребёнок, категорически лишённый спонтанного игрового творческого досуга, непременно станет хорошим бесцветным

исполнителем чужих идей или справным мелкопоместным чиновником с наградным гаечным ключиком в нагрудном кармане.

Уж если я завёл речь об обучающей модели, то и продолжу. Поскольку игра (детский спорт в том числе) является-таки действующей моделью взрослой жизни, то ребёнок, занимающийся шахматами под тяжёлым родительским прессом для выжимания результатов, имеет хорошую перспективу подсознательно перенести нажитое негативное отношение к детским занятиям на неприязнь к своей будущей профессии. Завзятым же неудачникам грозит другая опасность – это возможность приобрести на всю оставшуюся жизнь опыт умиротворяющего

– интересный психологический феномен, экспериментально подтверждённый американским психологом, основоположником направления

Мartiном Селигманом в 1967 году. Он заключается в том, что не только неприятный лабораторный грызун, но часто и солидный, всеми уважаемый потомок Адама после множественных попыток воздействия на упрямые обстоятельства привыкает к неизбежному злу, теряет веру в собственные силы и становится пассивным. А хуже этого – то, что он уже совсем не желает что-либо менять даже тогда, когда такая верная возможность появляется. В этом случае можно уже смело говорить о полном крахе прежней

Обернётся ли в подобном случае безуспешная игра в шахматы сколь-нибудь полезным занятием для неподготовленного ребёнка, слишком рано ввергнутого в турнирную практику, ещё как сомневаюсь.

Сигналом для понятного беспокойства, конечно, станет и безответная катастрофическая страсть родного существа к всепоглощающей игре в шахматы, когда всё, что кроме, уходит на пятый план. Любые восклицательные призывы только усугубят сопротивление, безжизненные назидательные сентенции пройдут мимо ушей, а какие-то торопливые карательные меры бурно или подспудно отзовутся в переходном возрасте проблемами в отношениях. Совместные действия педагога и родителей, совершённые с доброй помощью искусного психолога, возможно, возымели бы успех, но всё же, если одержимый шахматист достаточно мал и, предположительно, не бездарен, то я не спешил бы с его радикальным исправлением – исцеляющее время и в этом случае успеет ещё внести свои основательные поправки (для старших научных сотрудников –

). Полагаю, что такому ребёнку для соревновательной практики на какое-то время лучше, чем ажиотажные шахматные Фестивали и Кубки, подойдут какие-то местные спокойные турниры, в том числе и такие явочные, какие, например, у нас непосредственно на занятиях кружка.

Не вижу никакого повода стучаться к родителям, которые надолго и всерьёз, и при некоторых обстоятельствах обоснованно сочли шахматную игру пустым изведением времени и вредной привычкой. Также нет резона беспокоить людей, чьё собственное самоотверженное житие в шахматах и без того может стать наглядным мотивирующим примером длямышлёной веснушчатой дочурки, найденной не так уж давно в зарослях дикорастущей капусты сорта Слава невесть пока ради какой иной миссии, кроме предвещаемой виртуозной игры в шахматы.

Заключение

Предъявленное мной на товарищеский суд общественности добровольное признание по делу об умышленной психологической работе в детском шахматном коллективе, разумеется, не претендует на полноту изложения неисчерпаемой, как каждая корпускула материи флогистона, темы. При этом даже иной раз уводит внимание читателя куда-то в сторону от психологии как таковой. Многие как будто не второстепенные вопросы по халатности автора вообще необоснованно опущены. Это – и развитие памяти, и роль темперамента и интуиции, и психологическая устойчивость в условиях бытия в оглушающем информационном пространстве, и обретение джентльменского отношения к соперникам, и безнадёжная борьба с раскормленным взлелеянным самолюбием. Не проведено разграничения между интровертами и экстравертами, визуалами и кинестетиками, но только потому, что распределять рядовых юных шахматистов между крайними психологическими типами не вижу основательной причины. Почему-то не затронуты особенности психики юных шахматисток, детей из многодетных и разного типа дисгармоничных семей; задачи данной работы просто несоизмеримы с содержанием этих больших тем. Мало сказано о более общих, чем чисто шахматные, возрастных сензитивных периодах раскрытия интеллектуальных возможностей ребёнка. Слова же, касающиеся функциональной асимметрии полушарий мозга, так и не привели к надлежащему разговору о якобы серьёзных интеллектуальных различиях между праворукими и леворукими шахматистами. Процесс мышления у них, разумеется, различен,

но процесс самой игры на все девяносто девять процентов зависит лишь от квалификации и полезных привычек. Не довелось до сего момента проронить слово и о подверженной закономерности полураспада профессиональной компетенции самого педагога. Да – пожалуй, что все необходимые знания, организационные и коммуникативные навыки должны присутствовать. Стало быть, и педагог-шахматист обязан подтверждать свои полномочия восстановлением теряющихся где-то в складках коры головного мозга заливчатских вариантов открытых дебютов и заимствованием некоего передового педагогического опыта, едва различимого среди прочих завораживающих наваждений. И всё это как бы должно быть, несмотря на таинственные изменения восприятия действительности после исполнения на бис очередной подборки планов, отчётов и прочей приоритетной созидательной работы на бездонный нескораемый архив. Согласен, что с нами, педагогами-ретроградами, вовремя не перешедшими с отжившего образования на прогрессивное предоставление образовательных услуг, в настоящее время по-другому уже нельзя. Поэтому где-то за пределами возмущённо вскипающего разума беру в толк, что такие упражнения целенаправленно закаляют педагога, делают его жизнестойким и глубоко задумчивым, чем заодно как бы способствуют ему и в побочной работе – то есть в непосредственных занятиях с юными шахматистами. Пустяк, мелочь, но какая польза, однако! «Иль это только снится мне?..»

Подробнее же обо всём недосказанном – даст Бог, в другой раз, а теперь почему бы уже не призвать на выручку удобное легкомысленное слово «...», в несказанных сомнениях пристроенное в подзаголовок сего сочинения.

Кроме как за отмеченные недоделки, готов понести и искупить за навязчивую слабость ко всяким там эпитетам (и репликам в скобках). За некоторую витиеватость и множество скучных перечислений. За те изречения, где был уж слишком категоричен, или же, наоборот, безмятежно блуждал в трёх-четырёх кустах особо кровожадного крыжовника. Подозреваю, что непреходящие изъяны и сокровенные огрехи животрепещущей народной педагогики, несмотря на любые мои предостережения, достаточно просто не возводить в квадрат. Что же касается когда-то почерпнутых мной из психологической литературы наблюдений, постулатов, законов и т.п., то они, по обыкновению, могут лишь подтверждаться предельно допустимым содержанием исключений из общего правила. А в утешение тому, кого я где-то здесь всё-таки нечаянно задел своими пристрастными откровениями, приведу афоризм Альфонса Доде: «Удачно высмеиваешь лишь те недостатки, которые есть у тебя».

Теперь же, слепо доверившись незабываемой исторической традиции, закончу изложение своих (без участия Кота Мурра) житейских воззрений на педагогический труд слегка патетически. И торжественно провозглашу, что успешная деятельность любого коллектива маловероятна без любви его руководителя к своему интересному, а значит, действительно необременительному делу и без его расположения к хорошим людям, к общности которых отношу большинство людей детского возраста. Заодно и провозглашу, что неистощимое уважение детей, родителей и подлинных тружеников образования может-таки завоевать человек, лишь ощущающий себя справедливым и наивно полагающий, что знает правильные ответы на всю бездну

детских и юношеских вопросов, но всё-таки многократно по-человечески неравнодушный. Ведь не секрет, что даже хорошо закамouflированное идейное равнодушие взрослых юные шахматисты, музыканты, живописцы, лицедеи, а иногда и обычные, приотстранённые от светлой поэзии детской жизни профессиональные школьные отличники видят уже с первого-второго испытующего взгляда.

Не зря, должно быть, при работе над текстом компьютерная программа половину предыдущего абзаца упорно и укоризненно подчёркивала эдаким зеленоватым лобзиком для выпиливания лишних слов. Эта странная художочная линия при распечатке, надеюсь, не возродится из ничего, но я-то знаю, о чём предупреждало меня нечто языческое: ну не надо бы тебе, чудной беспартийный человек, этих напыщенных, почти победоносных интонаций. А будете и Вы в чём-то (или совсем во всём) со мной не согласны, то извольте – к барьеру! Перед меткими, объективными, аргументированными и, главное, почти бескорыстными во всех отношениях доводами безоговорочно капитулирую. И неважно кто приведёт эти доводы: здравомыслящий ли родитель, педагог-шахматист или вдруг в страшном пророческом сне мой же самый мелкий, а значит, самый дотошный диссидент из младшей учебной группы. В ином случае всё медленно обсудим, вволю попрепираемся и, может быть, заключим обычный вечный мир

и высечем на поделочном камне прекновения наш союзный договор о взаимопомощи.

Содержание

Введение	3
Кое-что об источниках	6
Описание психологических задач обучения	15
О подлинной мотивации к шахматам	15
О внимании в шахматах	29
Что касается мышления	32
О важности понимания красоты шахмат	36
Об объективности и самокритичности	37
Слово о волевых качествах	40
Перед соревнованиями	42
Психологическое просвещение юных шахматистов	44
Удивительная роль полноценного сна	45
Последнее слово к родителям	47
Заключение	59

Дмитрий Александрович ЧЕШОКОВ

Дети и шахматы

Узелки практической психологии

Редактор . . .
Художественное оформление . . .
Корректор . . .
Верстка . . .

Подписано в печать 10.05.2017. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Печ. л. 2,0. Формат 84x108¹/₃₂. Заказ №

ISBN 978-5-7396-0405-7

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com